На правах рукописи

Янь Лэй

Югославский кризис (1991–2001): позиция Китая в отношении российской внешней политики

Специальность 5.6.2. – Всеобщая история

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва – 2026

Работа выполнена в Отделе современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы Федерального государственного бюджетного учреждения науки **Институт славяноведения РАН**

Научный руководитель:

кандидат исторических наук **Едемский Андрей Борисович** (ФГБУН Институт славяноведения РАН, старший сотрудник отдела современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы)

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук **Шмелев Борис Александрович** (ФГБУН Институт экономики РАН, главный научный сотрудник Центра постсоветских исследований, зав. сектором политических исследований)

кандидат исторических наук **Колосков Евгений Андреевич** (ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», доцент кафедры теории и истории международных отношений факультета международных отношений)

Ведущая организация:

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

Защита состоится _____ 2027 г. в _____ часов на заседании диссертационного совета 24.1.121.01 (Д 002.248.01) по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук и кандидата исторических наук при Институте славяноведения РАН по адресу: 119334, г. Москва, Ленинский проспект, 32А, корпус «В», 9-й этаж, ауд. 901.

С диссертацией можно ознакомиться в диссертационном совете Института славяноведения РАН. Автореферат размещен на сайте ИСл РАН: http://www.inslav.ru и ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ.
Автореферат разослан _____ 2026 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат исторических наук К.В. Мельчакова

© Институт славяноведения РАН

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Актуальность темы исследования. Вопросы распада социалистической Югославии, югославский кризис и пофрагментарное урегулирование на постъюгославском пространстве в сочетании с его переустройством в контексте геополитических трансформаций в Юго-Восточной Европе продолжают оставаться актуальной темой, вызывая интерес и привлекая внимание во всех сегментах публичного пространства. Противоречивые, а часто и полярные оценки роли России в этих событиях, повышение значимости Балкан для КНР в контексте резко возросшего внимания Пекина к странам ЦЮВЕ в целом (инициатива «16+1» (с 2022 г. – «14+1») и проект «Один пояс – один путь») подтверждают актуальность темы.

Всколыхнувшие власти и общественное мнение КНР конфликты на Балканах конца XX в., а также военная агрессия Североатлантического альянса против СРЮ в марте и разрушение здания посольства КНР в Белграде в результате воздушного удара НАТО в мае 1999 г. рассматриваются в Китае как хрестоматийный пример нарушения международного права со стороны США и их союзников, бесцеремонного проведения ими с использованием НАТО политики гегемонизма и силы. Изучение политики России в югославском кризисе (1991–2001 гг.) и ее восприятия в Китае позволяет не только выявить конкретно-исторические условия и углубиться в мотивы сближения Москвы и Пекина, обусловленного общей позицией противостояния однополярному миру американского господства, неспровоцированному интервенционизму и менталитету новой холодной войны, но и проследить, каким образом они стали важной основой совместного продвижения усилиями КНР и РФ концепции «новой безопасности».

Представления о России в Китае – тема постоянного интереса российских синологов. Вместе с тем, в российском китаеведении нет пока опубликованных работ о восприятии в Китае действий России в югославском кризисе в 1990-е годы. Более того, дополнительным подтверждением актуальности темы, как выяснилось во время работы с источниками, служит факт, что в ведущих академических

журналах по китаеведению до настоящего времени отсутствуют публикации, посвященные становлению и развитию в Китае современной балканистики. Настоящая работа призвана восполнить этот пробел, предоставив целостный анализ указанных процессов.

Дополнительную значимость придает рассматриваемой теме и конфликт на Украине. Осмысление позиции Китая относительно российско-украинского геополитического разлома в контексте выяснения последствий дезинтеграции советской и югославской федераций единого типа позволяет лучше понять стратегическое сближение Москвы и Пекина. Данное партнерство не следует рассматривать сквозь призму идеологических клише, транслируемых западным политическим дискурсом и нередко использующим для его описания идеологическую метафору «ось зла». Логичнее видеть в нем закономерный результат эволюции представлений России и Китая об архитектуре международной безопасности, основанной на приоритете международного права и исторических фактах, послуживших катализатором конфликтов в славянском мире.

Объект исследования составляют заключительные фазы югославской дезинтеграции, ускорившейся после смерти Й. Броза-Тито: распад СФРЮ, последовавшие за этим межнациональные конфликты и гражданские войны в период 1991–2001 гг. на постъюгославском пространстве (прежде всего в Боснии и Герцеговине и в Хорватии в первой половине 1990-х гг.) и перерастание кризисных моментов в автономном крае Сербии Косово в полномасштабный кризис с его апогеем в 1999 г., а также межэтнический конфликт в республике Македония (Северная Македония) в 2000–2001 гг.

Предметом исследования является эволюция восприятия в Китае политики и конкретных действий России (Советского Союза и РФ) в отношении процессов распада второй (социалистической) Югославии и образования новых постъюгославских государств-наследниц СФРЮ с учетом усилий основных международных акторов, принимавших участие в событиях югославского кризиса и переформатировании югославского пространства в 1991–2001 гг. Основное внимание уделяется внешнеполитическому курсу России и Советского Союза (в меньшей мере) в последний год его существования.

Хронологические рамки исследования определены – по нижней границе – ключевыми событиями, связанными с крахом режимов советского типа в Восточной Европе и усилением внимания китайской стороны к ситуации на югославском пространстве, а верхним временным пределом – 2001 г. Вместе с тем для описания эволюции китайской научной мысли в отношении событий 1990-х годов изучены и учтены находящиеся в открытом доступе материалы, опубликованные в период с 2001 г. до мая 2026 г.

Степень изученности темы. Представления о России в Китае – тема постоянного интереса российских синологов. Вместе с тем, российское китаеведение не имеет опубликованных работ ни о восприятии в КНР событий югославского кризиса, ни о намерениях и действиях Москвы по его деэскалации в 1991–2001 гг.

Знакомство с научным наследием Ю.М. Галеновича, известного российского ученого-китаеведа, прежде всего с теми из них, в которых рассматривалась проблематика восприятия современной России в Китае, показывает, что даже относительно близкие из них к теме данной диссертации, опытнейший ученый не затрагивал, в том числе отношение Китая к региональным кризисам на Балканах. В работах, созданных Ю.М. Галеновичем на рубеже XX–XXI вв., он положил начало изучению представлений в современном Китае о современной России (почти во всех из них ученый затронул и восприятие России 1990-х годов в КНР[1]). В монографии «Россия в китайском зеркале…» отмечено, что в начале XXI в. изучение России приобрело в КНР новое, еще более важное, чем раньше, значение. Распад СССР и становление РФ потребовали от Китая осмысления значения этих геополитических изменений как для самого ученого, так и для двусторонних связей Пекина и Москвы. По мнению Ю.М. Галеновича, современное россиеведение в КНР обслуживает нужды внешней политики китайского государства и идеологии правящей в Китае Коммунистической партии Китая (КПК). В начале текущего столетия в КНР сформировался новый подход к

[1] *Галенович Ю.М.* Взгляд на Россию из Китая. Прошлое и настоящее России и наших отношений с Китаем в трактате китайских ученых. М.: Время, 2010. 304 с.

истории двусторонних отношений России и Китая, и одновременно с этим была выработана новая трактовка истории России на рубеже двух столетий[2].

Важна также опубликованная в 1999 г. статья Ю.М. Галеновича «США и Россия в зеркале китайской публицистики» [3] (позже доработанная им до небольшой брошюры, а затем дополненная до объемной монографии[4]). Опытный китаевед выбрал для анализа несколько китайских пропагандистских научно-популярных бестселлеров второй половины 1990-х годов, также имевших «шумный резонанс и за рубежом». Одним из его выводов стал тезис о том, что авторы этих популярных текстов «призывают Китай защищать свои позиции, отбиваться от тех, в ком он видит противников, оспаривать их действия, направленные против интересов страны в любой точке земного шара»[5].

Реакция китайского общества на агрессию НАТО против СРЮ и бомбардировка авиацией Североатлантического альянса посольства КНР в Белграде в статье не упомянуты, тем не менее, замечание Ю.М. Галеновича коррелирует с реакцией части китайского общества на события югославского кризиса, особенно на этапе его кульминации весной 1999 г.

Несомненно, перечисленные труды известного китаеведа помогают лучше понять, в какой обстановке в Китае в первое десятилетие XXI в. смотрели на события югославского кризиса и создавались новые китайские нарративы, посвященные ему и действиям в нем России, а также соответствующие ретроспективные экспертные нарративы. Тем не менее, внешнеполитические сюжеты, а тем более действия российской дипломатии в отдельных регионах мира, в том числе и на Балканах, не оказались предметом изучения как этого опытнейшего китаеведа, так и его более молодых российских коллег.

В мировой историографии проблематика диссертации также относится к малоизученным. Существующие немногие труды касались только взглядов Пекина на Югославию и отношения Москвы и Белграда. В редких случаях их авторы

---

[2] *Он же.* Россия в «китайском зеркале». Трактовка в КНР в начале XXI века истории России и русско-китайских отношений. М.: Восточная книга, 2011. С. 40–41.

[3] *Он же.* США и Россия в зеркале китайской публицистики // США–Канада: экономика, политика, культура. 1999. № 9. С. 91–96.

[4] *Он же.* О чем пишут авторы сборника «Китай недоволен». М.: ИДВ РАН, 2009. 85 с.; *Он же.* Китайские сюжеты. Чем доволен и недоволен Китай. М.: Восточная книга, 2010. 480 с.

[5] *Он же.* США и Россия в зеркале китайской публицистики // США–Канада: экономика, политика, культура. 1999. № 9. С. 91–92.

затрагивали данную тему фрагментарно и косвенно, в основном до событий начала десятилетия 1990-х годов.

Исследовательский интерес к развитию событий в рамках геополитического и идеологического «треугольника» Москва – Белград – Пекин был обусловлен состоянием советско-китайских отношений в 1960-е годы, особенно после их резкого осложнения в марте и восстановления дипломатических отношений между КНР и СФРЮ в октябре 1969 г. После публикации обзорной статьи А. Росс Джонсона «Югославия и советско-китайский конфликт: меняющийся треугольник, 1948–1974 гг.»[6] такой подход был возведен в ранг стандарта. Позднее эта тема получила дальнейшее развитие усилиями российского исследователя А.Г. Дорожкина, который уделил особое внимание китайскому фактору в советско-югославских отношениях 1960-х и 1970-х годов, использовав ранее недоступные исследователям аналитические материалы ТАСС[7]. Этим же сюжетам были посвящены в Китае статьи Ли Цзинъюя и Цзя Вэньхуа, Фэн Шаолэя, Сяо Цзунчжи, Цай Кана, Сян Цзотао, Сян Канци[8], а также совместная статья Пэн Юйчао и Сюй Гана[9]. В этих работах внимание авторов фокусируется на внешней политике Югославии, а отношения между Пекином и Белградом характеризуются как детерминанта, влиявшая на эволюцию советско-югославских отношений.

В последнее десятилетие исследователи из стран-наследниц СФРЮ уделили

---

[6] *Johnson A.R.* Yugoslavia and the Sino-Soviet Conflict: The Shifting Triangle, 1948–1974 // Studies in Comparative Communism. 1974. Vol. 7. № 1/2. P. 184–215.

[7] *Дорожкин А.Г.* Китайский фактор на советско-югославских переговорах конца 1960-х – 1970-х гг. // Сборник научных трудов по материалам междисциплинарной конференции (форума) «Научные исследования и разработки: проблемы развития и приоритетные направления». М., 2020. С. 10–16; *Он же.* Китайский фактор на переговорах Л.И. Брежнева с И.Б. Тито в 1970-х гг. // Гуманитарно-педагогические исследования. 2020. № 4 (3). С. 26–33.

[8] *李靖宇, 贾文华, 李景峰.* 试析南斯拉夫党和国家对外政策 // 东北师大学报. 1987. № 6. С. 20–25. [*Ли Цзинъюй, Цзя Вэньхуа, Ли Цзиньфэн.* Попытка анализа внешней политики югославской партии и государства // Вестник Северо-Восточного педагогического университета]; *冯绍雷.* 六十年代以来南斯拉夫对外政策的若干特点 // 今日苏联东欧. 1985. № 6. С. 15–19. [*Фэн Шаолэй*. Некоторые особенности внешней политики Югославии с 1960-х гг. // Сегодняшний СССР и Восточная Европа]; *肖宗志.* 试论中国与南斯拉夫关系的演变及成因 // 党史研究与教学. 1999. № 3. С. 31–35. [*Сяо Цзунчжи*. Эволюция китайско-югославских отношений и причины этих изменений // Исследования истории партии и преподавание]; *蔡抗.* 战后南斯拉夫外交政策的演变和不结盟 // 世界经济与政治内参. 1987. № 4. С. 39–45. [*Цай Кан*. Эволюция послевоенной внешней политики Югославии и движение неприсоединения // Мировая экономика и политика для внутреннего использования]; *项佐涛, 向康祺.* 中南关系正常化过程 — 基于南斯拉夫解密档案的分析 // 国际政治研究. 2021. № 2. С. 118–134, 8. [*Сян Цзотао, Сян Канци*. Процесс нормализации китайско-югославских отношений: анализ на основе рассекреченных югославских архивов // Исследования международной политики].

[9] *彭裕超, 徐刚.* 中南关系遗产及其对中国与南斯拉夫继承国关系的影响 // 俄罗斯学刊. 2025. № 4. С. 85–107. [*Пэн Юйчао, Сюй Гана*. Наследие китайско-югославских отношений и его влияние на отношения между Китаем и государствами-преемниками Югославии // Академический журнал исследований России].

значительное внимание ретроспективе взаимоотношений в мире социализма и эволюции взглядов Китая на международные отношения, однако их научный анализ не затрагивает 1990-е годы. В 2017 г., хорватский исследователь З. Стопич выполнил «Описание отношений с КНР: что, как и когда китайцы писали о Югославии и Хорватии», представив обзор и классификацию работ с 1949 г. до начала 1970-х годов[10]. Этот же автор вместе с несколькими коллегами из стран Юго-Восточной Европы инициировал и ряд коллективных трудов, также позволяющих лучше понять эволюцию китайских оценок событий в регионе в 1990-е годы. Это, прежде всего, часть материалов научного сборника 2023 г.[11] (обширное введение и статья известного словенского историка Й. Пирьевца «От товарищей к ревизионистам и обратно: превратности судьбы в китайско-югославских отношениях от 1930-х до 1980-х годов»[12], статьи Ли Юнсяо и И. Бакоты[13]).

На первых стадиях работы над темой диссертации был также учтен анализ эволюции внешнеполитических концепций КНР, содержащийся в последних разделах вышедшего в 2024 г. обзорного труда с участием З. Стопича и И. Бакоты «Становление современной китайской внешнеполитической мысли: великое возвращение»[14].

До настоящего времени имеется всего несколько небольших по объему академических работ, описывающих отношение в Китае к югославскому кризису, иногда с упоминанием России, фрагментарно связанных с темой нашего диссертационного исследования, различающихся по их научной значимости и часто диаметрально противоположных по взглядам их авторов. Среди них тенденциозная попытка политизации темы, предпринятая опытным итальянским синологом и культурологом Ф. Брусаделли, который обратился к не являющейся

---

[10] *Stopić Z.* Pisani odnosi s NR Kinom: Što su, kako i kada Kinezi pisali o Jugoslaviji i Hrvatskoj // Historijski zbornik God. 2017. № 1. P. 137–158.

[11] В состав международной редколлегии сборника вошли трое исследователей из государств-наследников СФРЮ и профессор Института истории Столичного педагогического университета Лян Чжанцзюнь.

[12] *Pirjevec J.* From Comrades to Revisionists and Back: The Vicissitudes of Sino-Yugoslav Relations from the 1930s to the 1980s // China, Yugoslavia, and Socialist Worldmaking: Convergences and Divergences / Edited by Zvonimir Stopić, Jure Ramšak, Zhanjun Liang, and Jože Pirjevec. ZRS Koper, 2023. P. 21–78.

[13] *Li Y.* Between Internationalism and Patriotism: The CPC's Reactions and Responses to the Tito-Stalin Split // Ibid. P. 93–116; *Bakota I.* Between Mao and Deng: Did Sino-Yugoslav Rapprochement Come Too late? // Ibid. P. 163–192.

[14] *Bakota I., Stopić Z., Njavro M.* Development of Modern Chinese Foreign Policy Thought: The Great Return. Cham: Palgrave Macmillan. 2024. P. 121–296.

профильной для него проблематике: изучению реакции Китая на распад СФРЮ и югославский кризис[15], а также несколько статей о реакции Китая на военные действия НАТО в марте–июне 1999 г. – от гуманитарной операции по спасению албанцев в Косове до агрессии против СРЮ, – по-разному трактуемые авторами. Некоторые из них сопоставляют материалы репортажей китайских СМИ и экспертного сообщества, реагировавших на трагический исход бомбардировки посольства КНР в Белграде в мае 1999 г. (работы Дж. Перри, Ян Цзиня, Чжоу Югуана, А. Кукая[16], Х.П. Грис[17]). В каждой из этих статей авторы добились определенных результатов, учет которых помог в работе над диссертацией.

Американский военный историк Дж. Перри обратил внимание на то, что на начало «бомбардировки НАТО Югославии китайская пресса отреагировала волной жесткой критики, достигшей своего апогея после удара по посольству Китая в Белграде 7 мая 1999 г. <…> и хотя со временем тон публикаций несколько смягчился, китайская позиция по отношению к операции “Союзная сила” оставалась явно критической, а освещение событий в СМИ в значительной степени отражало югославскую точку зрения». Перри был уверен, что «китайские открытые источники обладают определенными ограничениями и требуют критического подхода при их использовании», подчеркнув, что «значительная часть ведущих китайских стратегов не имела возможности публиковаться в открытой печати». Заслуживает внимания и один из выводов этого военного эксперта: «обоснование применения союзных (натовских. – *Я.Л.*) войск подразумевает устранение препятствий для расширения НАТО на восток, сокращение сферы влияния России и использование НАТО в качестве инструмента глобальной гегемонии»[18].

Реакция СМИ Китая рассматривалась и китайскими авторами, выполнявшими свои исследования в университетах Запада. В 2003 г. Ян Цзинь (Университет Южный Иллинойс в США), обратила внимание на «принципиально разные медийные схемы при описании военной операции НАТО»: китайская

---

[15] *Brusadelli F.* A Federal Nightmare: The People’s Republic of China and the Breakup of Yugoslavia // Global Perspectives. 2023. Vol. 4. № 1. P. 1–11.

[16] *Kukaj A.* The Implications of the 1999 U.S. Bombing of the Chinese Embassy in Belgrade on Contemporary Sino-American Relations: A Theoretical Analysis. 2019. 92 p.

[17] *Gries H.P.* Tears of Rage: Chinese Nationalist Reactions to the Belgrade Embassy Bombing // The China Journal. 2001. № 46. P. 25–43.

[18] *Perry J.D.* Operation Allied Force: The View from Beijing // Aerospace Power Journal. 2000. Vol. 14. № 2. P. 79–91.

печать представляла их как вмешательство западного альянса во внутренние дела и нарушение суверенитета Югославии. Ян Цзинь отметила, что, «газеты Китая чаще освещали события с сербской точки зрения, а основными источниками для них были китайцы и россияне»[19]. Почти через 20 лет к этим же выводам пришел в 2021 г. Чжоу Югуан, считавший, что китайские СМИ «проявили явную симпатию к Югославии и югославскому народу», а образ Югославии/Сербии был в Китае в целом положительным[20]. В 2023 г. словенский исследователь Анастас Вангели отметил, что «геополитическая интерпретация распада Югославии значительным образом повлияла на взгляд Китая на мир после 1991 года»[21].

Помимо указанных исследований, посвященных конкретным событиям 1999 г., важное значение имеет небольшой по объему совместный доклад японских экспертов Й. Сакагучи и К. Майямы. Рассмотрев реакцию в Пекине и Москве на военные меры НАТО против СРЮ, авторы пришли к принципиальному выводу, что именно действия альянса подтолкнули КНР и РФ к пересмотру оборонных стратегий и оказались мощным стимулом к укреплению стратегического партнерства между Пекином и Москвой[22].

Цель исследования заключается в выявлении специфики восприятия в Китае событий и оценки процессов геополитического переустройства, происходивших на постъюгославском пространстве, их турбулентности и динамизма, действий России в регионе. Принципиально важным представляется изучение китайской позиции с учетом внутри- и внешнеполитического факторов, вливших на реакцию Пекина.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Рассмотреть предысторию сложившейся к 1990 г. в СФРЮ ситуации, акцентируя внимание на эволюции советско-югославских отношений после 1948 г. и до конца 1980-х годов, а также на отношении КНР к кризисным моментам общественно-политического развития Югославии в 1980-е годы;

---

[19] *Yang J.* Framing the NATO Air Strikes on Kosovo Across Countries: Comparison of Chinese and US Newspaper Coverage // International Communication Gazette. 2003. Vol. 65. № 3. P. 245.

[20] *Zhou Y.* Shared Victimhood: The Reporting by the Chinese Newspaper the People's Daily on the 1999 NATO Bombing of Yugoslavia // Comparative Southeast Studies. 2021. № 70 (2). P. 202–223.

[21] *Vangeli A.* Global China, (former) Yugoslavia and socialism // Filozofija i drustvo. 2023. № 34 (4). P. 613–636.

[22] *Sakaguchi Y., Mayama K.* Significance of the War in Kosovo for China and Russia // NIDS Security Reports. 2002. P. 1–23.

2. Охарактеризовать причины распада второй Югославии и проанализировать основные концепции китайского руководства по проблемам международных отношений и мирового порядка, определившие оценки Пекином югославского кризиса;

3. Представить позиции руководства Китая и китайской дипломатии, отраженные в выступлениях и официальных заявлениях по поводу военных действий на Балканах, геополитического переустройства региона и становления новых государств на пространствах бывшей СФРЮ;

4. Раскрыть отраженные в СМИ особенности восприятия и оценок балканского кризиса китайской общественностью, а также проанализировать выводы экспертного сообщества относительно политики и реальных действий России на Балканах в рассматриваемый период;

5. Охарактеризовать основные этапы формирования и развития представлений в Китае о процессах дезинтеграции бывшей Югославии, этнических конфликтах и гражданских войнах на постъюгославском пространстве в исследуемый период, а также об эволюции действий России в регионе.

Теоретико-методологическую основу исследования составляют принципы историзма и объективности, историко-генетический, историко-сравнительный и историко-типологический методы, а также общенаучные методы анализа и синтеза, описания, измерения, объяснения и специальные методы анализа источников – дискурс-анализ, контент-анализ, ивент-анализ.

Историко-генетический метод применялся для последовательного рассмотрения политики России в отношении постъюгославских государств и динамики ее восприятия и оценок в Китае. Историко-сравнительный метод позволил выделить особенности интерпретации в Китае политики России на территории бывшей Югославии в исследуемый период. Историко-типологический метод применялся для классификации различных подходов китайских экспертов к оценке российской политики на Балканах и выявления основных типов ее интерпретации. Дискурс-анализ стал основой для характеристики политики России в китайских СМИ, экспертных публикациях и официальном политическом дискурсе. Контент-анализ применялся при исследовании российских и китайских

экспертных материалов, официальных документов, материалов СМИ и дипломатических источников с целью выявления основных подходов к оценке политики России на Балканах и особенностей ее восприятия в Китае. Ивент-анализ позволил реконструировать последовательность ключевых событий югославского кризиса и выявить их влияние на эволюцию российской политики в регионе, а также на формирование и характер ее восприятия в Китае. Применение данного инструментария позволило обеспечить комплексный подход к анализу динамики китайского восприятия балканской политики России и ее эволюции во временной перспективе и по мере возрастания исторической дистанции.

Источниковая база исследования состоит из широкого круга документов и материалов, значительная часть которых хранится на интернет-ресурсах. Выявленные, собранные и изученные в ходе исследования источники можно разделить на шесть групп в соответствии с их видовыми характеристиками.

К первой группе относятся официальные документы и материалы КНР, РФ и США. В ее состав вошли: официальные партийно-государственные документы КНР и КПК [23] (материалы съездов КПК, выступления, интервью, заявления политических лидеров КНР, дипломатических работников высшего звена и официальных представителей МИД КНР, а также выступления и заявления китайских представителей в международных организациях). К подгруппе российских официальных документов относятся нормативно-правовые акты РФ, указы президента РФ, постановления правительства РФ, документация МИД РФ, материалы последних лет работы Верховного Совета РСФСР и Госдумы РФ[24], а

---

[23] *Дэн Сяопин*. Избранное. Т. III (1982–1992). Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 1994. 537 с.; *Цзян Цзэминь*. Избранное. Т. I–II. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 2010; 2012. 769 с.; 691 с.; 中华人民共和国国务院公报 // 中华人民共和国中央人民政府. [Бюллетень Государственного совета КНР // Центральное народное правительство КНР]. URL: https://www.gov.cn/gongbao (дата обращения: 11.01.2025); 中华人民共和国全国人民代表大会常务委员会公报. 北京：中国法制出版社. [Бюллетень Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей. Пекин: Китайское юридическое издательство]; 中国外交概览 / 中华人民共和国外交部外交史研究室. 北京：世界知识出版社. [Обзор внешней политики Китая / Отдел истории дипломатии МИД КНР. Пекин: Издательство «Знания о мире»]; 中国代表团出席联合国有关会议发言汇编 （1999 年） / 中国联合国协会编. 北京：世界知识出版社，2000. 322 с. [Сборник выступлений китайской делегации на конференциях ООН 1999 г. / Сост. Китайская ассоциация ООН. Пекин: Издательство «Знания о мире»].

[24] Концепция внешней политики Российской Федерации 1993 г. // Дипломатический вестник. Специальный выпуск (январь 1993 г.). 23 с.

также опубликованные сборники [25] российских документов, включая «Дипломатический вестник» МИД за соответствующие годы. В подгруппе американских источников отнесены материалы слушаний в комитетах Конгресса США[26], документы Виртуального исследовательского центра и публичного архива Цифровой библиотеки имени Клинтона[27], а также документы и материалы, собранные неправительственной организацией Архив национальной безопасности [28]. Использование источников этой группы позволило проанализировать особенности отношения Китая к югославскому кризису через призму внешнеполитического курса Пекина, выявить детерминанты и специфику «поведения» КНР на международной арене, а также формирование и эволюцию политики России по деэскалации и урегулированию югославского кризиса в китайском восприятии.

Вторая обширная группа источников состоит из материалов Совета Безопасности (СБ) ООН, размещенных в Системе официальных документов ООН (СОД/ODS). Их использование в диссертации, позволило провести сравнительный анализ позиций представителей КНР и РФ и их аргументации при голосовании по проектам резолюций в СБ ООН по вопросам югославского кризиса.

К третьей группе источников относятся материалы наиболее значимых печатных СМИ КНР: официальное ежедневное печатное издание ЦК КПК газета «Жэньминь жибао» и структурно связанная с ней (издается с 1993 г.) еженедельная газета «Хуаньцю шибао» (环球时报); выходящая под руководством Отдела пропаганды ЦК КПК популярная ежедневная газета «Гуанмин жибао» (光明日报) и издаваемые информационным агентством «Синьхуа» ежедневная газета «Справочные новости» (参考消息) и еженедельный журнал «Ляован» (瞭望). В

[25] В огне Балканской войны: Сб. документов и материалов о «воздушной войне» НАТО против Югославии с 24 марта по 10 июня 1999 г. / Под ред. Ю.П. Савельева. СПб.: Сев. звезда, 2002. 512 с.; Югославия в огне. Документы, факты, комментарии (1990–1992) / Отв. ред. Е.Ю. Гуськова. М.: Экспертинформ, 1992. 372 с.; Югославский кризис и Россия: документы, факты, комментарии (1990–1993). Современная история Югославии в документах. Т. 2. / Сост., отв. ред. Е.Ю. Гуськова. М.: Славянская летопись, 1993. 503 с.; Международные организации и кризис на Балканах. Документы. Т. 1–2, 3. М.: Индрик, 2000. 496 с.; 288 с.; Албанский фактор в развитии кризиса на территории бывшей Югославии. Документы. Т. 1–4. (1978–2010 гг.) / Отв. ред. и сост. Е.Ю. Гуськова. М.: Индрик, 2006–2011 гг.

[26] ProQuest Congressional. URL: https://congressional.proquest.com/congressional (дата обращения: 05.01.2026).

[27] Clinton Digital Library. URL: https://clinton.presidentiallibraries.us (дата обращения: 05.01.2026).

[28] National Security Archive. URL: https://nsarchive.gwu.edu/ (дата обращения: 08.06.2026).

этой же группе источников отнесены специальные сборники материалов китайских СМИ, публиковавшиеся в КНР во время агрессии НАТО против Югославии[29].

Четвертая группа источников – мемуарная литература, состоящая из двух подгрупп. К первой относятся воспоминания дипломатов КНР[30] и журналистов китайских СМИ, освещавших события на Балканах в 1990-е годы[31]. Их изучение позволило получить представление о том, как эти очевидцы событий воспринимали югославский кризис в 1990-е годы, усилия РФ и их значимость в его урегулировании. Во второй подгруппе – воспоминания российских дипломатов[32] и

---

[29] 聚焦科索沃（上、下）/ 郑刚主编. 北京：当代世界出版社, 1999. 612 с. [Фокус на Косове в двух томах // Под ред. Чжэн Гана. Пекин: Издательство «Современный мир»]; 中国人民不可侮 / 人民日报出版社编, 北京：人民日报出版社, 1999. 141 с. [Недопустимо унижать народ Китая / Сост. Издательство «Жэньминь жибао». Пекин: Издательство «Жэньминь жибао»]; 科索沃战火特快传真 / 新华社国际部编著. 北京：改革出版社, 1999. 259 с. [Экспресс-сообщения о войне в Косове / Международный отдел агентства Синьхуа. Пекин: Издательство «Реформа»].

[30] *唐家璇.* 劲雨熙风唐家璇外交回忆录. 北京：知识出版社, 2009. 462 с. [*Тан Цзясюань*. Дипломатические мемуары Тан Цзясюаня. Пекин: Издательство «Знания о мире»]; *潘占林.* 战火中的外交官：亲历北约炸馆和南联盟战火. 北京：当代中国出版社, 2006. 261 с. [*Пань Чжаньлинь*. Дипломат в огне войны: личный опыт свидетеля бомбардировки НАТО китайского посольства и войны в СРЮ. Пекин: Издательство современного Китая]; *李满长.* 多党制与南斯拉夫分裂. 北京：人民出版社, 2013. 329 с. [*Ли Маньчан*. Многопартийная система и распад Югославии. Пекин: Народное издательство]; *秦华孙.* 出使联合国. 北京：新华出版社, 2010. 265 с. [*Цинь Хуасунь*. Работа в ООН. Пекин: Издательство «Синьхуа»].

[31] *胡锡进.* 波黑战地采访手记. 哈尔滨：黑龙江人民出版社, 1997. 294 с. [*Ху Сицзинь*. Заметки о репортажах с полей сражений в Боснии и Герцеговине. Харбин: Хэйлунцзянское народное издательство]; *吕岩松.* 我亲历中国使馆被炸：来自南斯拉夫的战地报告. 北京：人民日报出版社, 1999. 227 с. [*Люй Яньсун*. Я своими глазами видел взрыв китайского посольства: военный репортаж с места событий из Югославии. Пекин: Издательство «Жэньминь жибао»]; *汪亚平.* 一位中国记者眼里的波黑悲剧. 北京：时事出版社, 1997. 314 с. [*Ван Япин*. Трагедия Боснии и Герцеговины глазами китайского журналиста. Пекин: Издательство текущих событий]; *韩显阳.* 阴影里的逐杀：美英情报机构是如何颠覆南斯拉夫的. 北京：当代世界出版社, 2003. 450 с. [*Хань Сяньян*. Убийство в тени: как разведывательные службы США и Великобритании проводили подрывную работу против Югославии. Пекин: Издательство «Современный мир»]; *顾玉龙.* 我在北约机翼下追逐巡航导弹. 合肥：安徽文艺出版社, 2002. 403 с. *[Гу Юйлун*. В погоне за крылатыми ракетами под крылом самолета НАТО. Хэфэй: Аньхойское издательство литературы и искусства]; *徐晓, 田苗, 高迟.* 未写完的战地日记. 北京：光明日报出版社, 1999. 368 с. [*Сюй Сяо, Тянь Мяо, Гао Чи*. Незавершенные военные репортажи. Пекин: Издательство «Гуанмин Жибао»]; 战火中采访：新华社驻南记者的日日夜夜 / 夏林编著. 北京：新华出版社, 1999. 232 с. [Интервью в огне войны: дни и ночи корреспондентов агентства Синьхуа в Югославии / Ред.-сост. Ся Линь. Пекин: Издательство «Синьхуа»]; 在血与火的战场上 / 高秋福、薛群主编. 北京：新华出版社, 1999. 432 с. [На поле боя в крови и огне / Под ред. Гао Цюфу, Сюэ Цюня. Пекин: Издательство «Синьхуа»].

[32] *Kozyrev A.* The Firebird: The Elusive Fate of Russian Democracy. Pennsylvania: The University of Pittsburgh Press. 2019. 368 с.; *Козырев А.* Преображение. М.: Международные отношения, 1995. 333 р.; *Иванов И.* Внешняя политика России в эпоху глобализации. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 414 с.; *Чуркин В.И.* Трудности перевода. Воспоминания. М.: ОЛМА, 2020. 440 с.; *Адамишин А.Л.* В разные годы. Внешнеполитические очерки. М.: Весь мир, 2016. 460 с.; Дипломат Юлий Воронцов. Сборник воспоминаний / Ред.-сост. В.Н. Казимиров. М.: Международные отношения, 2009. 262 с.; *Котов Ю.* На манжетах мелом. О дипломатических буднях без прикрас. М.: Человек, 2021. 485 с.; *Костиков В.В.* Роман с президентом. Записки пресс-секретаря. М.: Вагриус, 350 с.; *Лавров С.* Косово глазами очевидца из группы дипломатических наблюдателей // Международная жизнь. 1999. № 6. С. 59–67.

мемуарная литература государственно-политических деятелей РФ[33]. Знакомство, преимущественно на ранних стадиях работы над темой диссертационного исследования, с источниками этой подгруппы позволило получить представление о том, как в России на государственном уровне воспринимались события на постъюгославском пространстве во время президентства Б.Н. Ельцина, какие основные шаги предпринимала Москва для урегулирования очагов кризиса в регионе.

К пятой группе источников относится обширный массив справочно-информационных изданий КНР по международным проблемам, среди которых особое значение имели ежегодники, составляемые ведущими издательствами КНР, специализирующимися на выпуске литературы по международным проблемам с привлечением авторов – опытных сотрудников МИД КНР и известных экспертов из научно-исследовательских институтов Китая и партийно-правительственных органов и структур[34].

К шестой группе источников относятся сборники опубликованных исторических документов, использованных прежде всего для реконструкции развития взаимопереплетавшихся отношений Югославии, СССР (России) и Китая в период после окончания Второй мировой войны до начала югославского кризиса в начале 1990-х годов.

Использованная репрезентативная источниковая база отражает всю совокупность доступных свидетельств и обеспечивает решение поставленных исследовательских задач.

Научная новизна. В Китае, как в рассматриваемый период, так и ранее, внимательно наблюдали за динамикой региональных конфликтов на Балканах, проявляя значительный интерес к происходившему. Тем не менее в китайской,

---

[33] *Ельцин Б.Н.* Президентский марафон: Размышления, воспоминания, впечатления. М., 2000. 428 с.; *Он же.* Записки президента. М.: Огонек, 1994. 425 с.; *Примаков Е.М.* Годы в большой политике. М.: Совершенно секретно. 1999. 448 с.; *Он же.* Восемь месяцев плюс. 2-е изд. М.: Мысль, 2001. 238 с.; *Он же.* Мир без России? К чему ведет политическая близорукость. М.: Центрполиграф, 2016. 250 с.; *Он же.* Минное поле политики. М.: Молодая гвардия, 2024. 360 с.; *Черномырдин В.С.* Время выбрало нас. М.: Художественная литература, 2011. 250 с.; *Гайдар Е.Т.* Дни поражений и побед. М.: Вагриус, 1997. 366 с.

[34] 世界知识年鉴. 北京：世界知识出版社, 1991–2002. [Ежегодник «Знания о мире». Пекин: Издательство «Знания о мире». 1991–2002]; 国际形势年鉴 /上海国际问题研究所. 上海：上海教育出版社, 1991–2002. [Ежегодник Международное положение / Шанхайский институт международных проблем. Шанхай: Шанхайское издательство образования, 1991–2002]; 俄罗斯和东欧中亚国家年鉴. 北京：当代世界出版社, 1994–2001. [Ежегодник стран России, Восточной Европы и Центральной Азии. Пекин: Издательство «Знания о мире», 1994–2001].

российской и западной историографии комплексные исследования курса и действий Москвы в ходе югославского кризиса, с точки зрения Китая, до наших дней не проводились.

В диссертации обращено особое внимание на предпринимавшийся в КНР анализ политики России в югославском кризисе и ключевых событий последнего, а также на официальные заявления, выступления и соответствующие высказывания Б.Н. Ельцина, А.В. Козырева, Е.М. Примакова, В.С. Черномырдина и их конкретные шаги, ставшие предметом рассмотрения китайских СМИ и аналитиков-экспертов. При этом установлено, что китайские наблюдатели не ограничивались использованием исключительно российских материалов, а привлекали документы по основным событиям российско-американских отношений, детально рассматривая периоды конфронтации и взаимодействия между Россией, США, ЕС (его ведущими государствами) по вопросам деэскалации югославского кризиса. Такой комплексный подход позволил исследователям КНР реконструировать системную эволюцию балканской политики РФ, выявив ее конструктивные аспекты и тактические просчеты.

В диссертационном исследовании, в рамках комплексного подхода, на основании широкого круга разнообразных источников дополнены устоявшиеся в российской историографии представления и выводы о формировании и динамике внешнеполитического курса России на бывшем югославском пространстве. Изучение этой проблемы под новым углом зрения – анализируя особенности и эволюцию восприятия в Китае российской внешней политики на постъюгославском направлении – дает возможность сузить существующую в историографии лакуну и, в частности, выявить влияние «китайского фактора» на балканскую политику России в широкой временной перспективе.

До настоящего времени данный аспект оставался вне поля зрения как российской, так и мировой исторической науки. В диссертации впервые в научный оборот вводится значительный массив ранее не изучавшихся китайских источников и редко используемых исследователями материалов обсуждения в СБ ООН проектов резолюций по югославскому вопросу, что позволило уточнить и расширить прежние представления о российско-китайском взаимодействии в СБ

ООН и его масштабах, а также конкретизировать сущность отстаиваемых обеими сторонами подходов.

Теоретическая значимость исследования заключается в расширении эмпирического знания о югославском кризисе 1991–2001 гг., его истории и динамике, об особенностях эскалации и деэскалации этого наиболее серьезного регионального конфликта и его влиянии на переформатирование мирового порядка после окончания холодной войны. Обобщенный в ходе исследования материал позволяет также выдвинуть гипотезу о дополнительном влиянии действий России на Балканах в этот период на стабилизацию российско-китайских отношений и углубить понимание исторических основ формирования российско-китайского стратегического взаимодействия в первые десятилетия XXI в.

Комплексный анализ китайских нарративов с оценкой советской и российской политики в ходе югославского кризиса 1991–2001 гг. опирается на широкий круг источников, включающий значительный массив материалов китайской периодической печати, официальные документы и экспертные публикации, подавляющее большинство которых впервые вводится в научный оборот в России, и дополнен данными американских архивных коллекций и документацией дискуссий в СБ ООН. Источниковая база позволила существенно расширить прежние представления о выработке и незначительной динамике китайских оценок роли России в постбиполярный период. Заключения об участии Москвы в урегулировании регионального кризиса и амбивалентно успешных попытках российского посредничества между сербской стороной и коллективным Западом оцениваются как ключевые для изучения истории конфликта.

Выводы исследования могут служить теоретической основой и фактологическим фундаментом для дальнейшего изучения действия доминант российско-китайских отношений и истории динамики международных процессов на Балканах в условиях их геополитической реструктуризации.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования выводов исследования при решении практических вопросов перехода от биполярного международного устройства десятилетий холодной войны через период однополярного доминирования США в конце XX в. к формированию многополярного миропорядка в первых десятилетиях XXI в. в

условиях гибридной «холодной войны 2.0». Полученные результаты могут быть применены при изучении истории российско-китайских отношений, внешней политики России и Китая, международных отношений на Балканах, а также в преподавании курсов и подготовки учебных пособий по всеобщей истории, истории международных отношений и дипломатии.

Положения, выносимые на защиту.

1. Китайское восприятие российской политики в ходе югославского кризиса претерпело заметную эволюцию под воздействием изменений международной обстановки и российской политики.

2. Официальные китайские оценки российской позиции основывались прежде всего на пяти принципах мирного сосуществования.

3. Россия и Китай по-разному подходили к урегулированию югославского кризиса, однако их позиции сближались в вопросах многополярности, роли ООН и противодействия гегемонизму.

4. В китайском экспертном сообществе преобладала положительная оценка российской политики, хотя наряду с этим отмечались ее просчеты и противоречия.

5. Россия являлась одним из ключевых участников урегулирования югославского кризиса. Ее политика и действия в регионе находились в центре внимания китайских наблюдателей и средств массовой информации.

Степень достоверности. Научные выводы диссертации базируются на репрезентативной источниковой базе, учете достижений китайской, российской и англоязычной историографии, применении общенаучных и исторических методов исследования.

Апробация результатов исследования. Положения и выводы диссертационного исследования обсуждены и рекомендованы к защите на заседании Отдела современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН. По теме исследования автором опубликованы восемь статей в научных изданиях, из которых пять – в журналах, рекомендованных ВАК РФ. Результаты исследования были представлены автором на семи всероссийских и международных научных конференциях: конференции молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и культуры «Славянский

мир: общность и многообразие» (Москва, Институт славяноведения РАН, 23–24 мая 2023 г.; 21–22 мая 2024 г.; 20–21 мая 2025 г.); XI Международной конференции молодых востоковедов «Восточная Азия: прошлое, настоящее, будущее» (Москва, Институт Китая и современной Азии РАН, 23–24 ноября 2023 г.); международной конференции «День славянской письменности и культуры: духовные, исторические, политические и цивилизационные аспекты» (Москва, Императорское православное палестинское общество, Фонд гагаузского наследия и АНО «Центр правовых исследований и международных коммуникаций», 26 мая 2025 г.); международной конференции «Југословенско-совјетски односи у време детанта 1968–1980» (Белград, Балканолошки институт Српске академије наука и уметности, 5–6 июня 2025 г.); международной научной конференции «Социализм в XX веке: государственные модели и социальные практики» (Москва, Институт всеобщей истории РАН, Музей-заповедник «Горки Ленинские», 11 июля 2025 г.).

Структура исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, разделенных на параграфы, заключения, списка источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Введение включает обоснование актуальности темы, в нем представлена степень ее изученности, определяются объект и предмет исследования, его хронологические рамки, цель и задачи научной работы, раскрывается ее теоретико-методологическая основа, дается общая характеристика источников и литературы, выявленных, собранных, изученных и использованных при написании и подготовке рукописи, характеризуются научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования, представлены положения, выносимые на защиту, информация об апробации и опубликовании полученных результатов, анализируются китайская историография процессов на постъюгославском пространстве и политики России в ходе югославского кризиса, а также российская, сербская и англоязычная историография, посвященная рассматриваемой проблематике.

В **первой главе** «Китайское видение глобальных трансформаций и распада Югославии», состоящей из трех параграфов, выявляются исторические предпосылки формирования китайских представлений о советско-китайско-югославских отношениях, прослеживается эволюция концепций

китайского руководства в отношении трансформации системы международных отношений после завершения холодной войны и анализируется выводы китайских исследователей о причинах распада второй (социалистической) Югославии.

В **параграфе 1.1** изучены позиции Китая по вопросу о взаимодействии СССР, Югославии и Китая, а также эволюция отношений в этом «треугольнике» в контексте двухполюсного мира (1940–1980 гг.). На основе анализа опубликованных документов и мемуаров, экспертной литературы выделены основные этапы оценки Китаем действий СССР на югославском направлении. Установлено, что восприятие в Китае отношений между Советским Союзом и ФНРЮ/СФРЮ определялось эволюцией внешнеполитического курса КПК и состоянием отношений между Пекином, Москвой и Белградом, идеологически заряженных на всех этапах: по мере того как менялась динамика советско-китайского взаимодействия – от тесного союза к открытому противостоянию – менялся и китайский взгляд на югославский вопрос. При описании конфронтационного десятилетия 1960-х годов особое внимание уделено анализу переведенных на китайский язык с сербскохорватского и английского книг и брошюр, отражающих контекст китайско-советской полемики, и раскрывающих разнообразные внутриполитические аспекты «югославской модели». Их осмысление способствовало формированию в Китае понимания специфики национальных и исторических связей между СССР и Югославией, а позднее между Россией и народами бывшей Югославии.

В **параграфе 1.2** рассмотрены три фундаментальные идеи китайской дипломатии, которых Китай последовательно придерживался после окончания холодной войны: начиная с последних лет нахождения у власти Дэн Сяопина, в годы руководства Китаем и КПК Цзян Цзэминя и Ху Цзиньтао, и – с 2012 г. – Си Цзиньпина. Особый акцент сделан на рассмотрении китайско-российских позиций в продвижении мироустройства к многополярности и разрешении международных конфликтов. Также анализируется развитие китайско-сербских отношений.

Автор аргументировал тезис о том, что Россию и Китай связывают общие стратегические интересы в утверждении принципов многополярного мироустройства, поддержании авторитета ООН, противодействии гегемонизму и политике силы, а также в урегулировании международных проблем мирными

средствами. Подчеркивается, что среди постъюгославских государств Сербия выделяется в качестве приоритетного партнера Китая.

Автор исходил из того, что, во-первых, китайские общественно-политические идеи о мире являются результатом «китаизации» идей марксизма-ленинизма в сочетании с философскими и культурными традициями современной цивилизации; во-вторых, концепция «пяти принципов мирного сосуществования» представляет собой основополагающие нормы внешней политики КНР; в-третьих, главным принципом и отправной точкой, и конечной целью внешней политики Пекина, которым подчиняются все действия Китая на международной арене, является создание благоприятной внутренней и внешней среды, акцент на развитии и реализация мечты о великом возрождении китайской нации.

В **параграфе 1.3** рассмотрены оценки китайской стороной причин распада второй (социалистической) Югославии. Проанализированы исторические и прикладные причины, из-за которых дезинтеграция СФРЮ оказала значительное влияние на построение социалистического общества в Китае и вызвала широкий интерес в китайских экспертных кругах. В оценке причин распада Югославии большинство китайских наблюдателей сходится во мнении, что он стал результатом совокупного воздействия этнополитических, институциональных, экономических и внешних факторов, при безусловном приоритете внутреннего фактора. Вместе с тем в оценках китайских наблюдателей недостаточно подробно анализируется влияние внешних факторов на распад югославской федерации.

В параграфе показано, что относительная значимость факторов дезинтеграции СФРЮ варьировалась в зависимости от аналитического ракурса, выбранного экспертами. Показательно, что в рамках китайской исследовательской традиции, сформировавшейся в условиях социалистического государства и при доминировании курса на экономическое развитие, ключевыми переменными политической стабильности являются вопросы партийного руководства и социально-экономической политики. Национальный вопрос также занимает важное место в китайских интерпретациях, что обусловлено многонациональным характером самого Китая и наличием таких «невралгических» проблем, как тайваньская, тибетская и синьцзянская. Также отмечается, что в последние годы,

по мере рассекречивания архивных материалов, усилился интерес китайских экспертов к анализу воздействия внешних факторов на распад югославской федерации, однако единого подхода к данной проблеме пока не выработано.

В трех параграфах **второй главы** «Усилия СССР/РФ в югославском кризисе в первой половине 1990-х годов в китайском зеркале» анализируются оценки, данные правительственно-партийными кругами, ведущими государственными СМИ и экспертным сообществом КНР, политике Москвы (СССР/РФ) в отношении югославского кризиса. Особое внимание уделено оценке посреднической деятельности России в период войны в Боснии и сопоставлению позиций Китая и России по различным вопросам на постъюгославском пространстве, а также влиянию развития отношений Китая и России с государствами–бывшими республиками СФРЮ на формирование китайских оценок российской политики в регионе.

В **параграфе 2.1** рассмотрены позиция Китая в отношении событий на постъюгославском пространстве с 1989 по 1995 гг. и оценки в китайских СМИ дипломатических усилий СССР/России в этом регионе. Показано, что позиция Китая основывалась на принципах мирного сосуществования и на внешнеполитическом курсе «оставаться в тени до поры, скрывая свои намерения». Такой подход обусловил стремление Пекина, заняв позицию стороннего наблюдателя (что естественно с учетом географической удаленности Балкан от Китая), сохранять нейтралитет, выступать против внешнего вооруженного вмешательства и поддерживать мирное урегулирование конфликтов. При этом по ряду ключевых вопросов позиции Китая и России совпадали или были близки, хотя между ними сохранялись и определенные существенные расхождения.

В параграфе также показано, что в 1991–1995 гг. китайские СМИ систематически и последовательно освещали действия России на Балканах. СМИ Китая демонстрировали высокий уровень внимания к России, что во многом определялось активностью ее дипломатии в регионе. В китайском медиадискурсе Россия последовательно рассматривалась как государство, обладающее историческими интересами и значительным влиянием на Балканах, а ее политика анализировалась преимущественно в контексте формирования постбиполярного миропорядка и отношений России с США и европейскими странами. При этом

роль России в урегулировании балканских конфликтов связывалась с состоянием российско-американских отношений, внутренней обстановкой в РФ и изменением ее международных позиций.

В **параграфах 2.2 и 2.3** не только проанализированы оценки китайскими экспертами внешней политики СССР/России на постъюгославском пространстве, прежде всего в контексте войны в Боснии (1992–1995 гг.), но и на основе анализа доступных открытых китайских экспертных материалов выделены особенности динамики и этапы эволюции китайского восприятия действий России в период кризиса в Боснии и других событий в бывшей Югославии.

Первый этап (1991–1995 гг.) стал периодом формирования базовых представлений в Китае о политике России на постъюгославском пространстве. Соответствующие материалы СМИ и тексты экспертов в этот период были сфокусированы преимущественно на текущих политических процессах и первоначальных оценках внешнеполитического курса Москвы в условиях параллельного распада Советского Союза и СФРЮ. Это подтверждает оформление следующих обобщенных тезисов: 1) балканский регион имеет жизненно важное геополитическое значение для России, как с точки зрения традиционных исторических культурных и религиозных связей, так и обеспечения национальной безопасности и экономических интересов. Эволюция политики и действий РФ в отношении войны в Боснии рассматривалась как важный признак изменения ее (России) внешней политики; 2) под двойным влиянием внутриполитической борьбы и давления общественного мнения с 1993 г. боснийская политика России начала меняться, хотя сдвиги не были кардинальными. Основной причиной корректировки политики Москвы стало постепенный дрейф от идеологической идеализации Запада к более прагматичному и основанному на национальных интересах курсу; 3) китайские наблюдатели, анализируя политику и действия России на югославском направлении, выделяли четыре базовых детерминанты: историческую, культурную, религиозную и этническую, характеризовавшие традиционные связи России с народами бывшего югославского пространства (особенно с сербами); 4) геополитические интересы России в регионе; 5) динамика отношений РФ с западными странами и 6) уровень совокупного потенциала России

(комплексной мощи государства (КМГ) – в китайской науке аналог понятия «национальной мощи», применяемого в западной политологии).

Параграф 2.3 посвящен рассмотрению последующей динамики восприятия России в Китае. Преимущественно на уровне экспертных академических исследований оценивалось российское участие в деэскалации военных действий в Боснии и Хорватии, как в контексте общего «концерта великих держав» (совместно с государствами Запада, прежде всего США), так и в форме самостоятельных инициатив, выдвигавшихся преимущественно в рамках упомянутого «концерта». На этом, втором, этапе китайские эксперты окончательно перешли к ретроспективному описанию и анализу исторического осмысления процессов югославского кризиса первой половины 1990-х годов. Подписание Дейтонских соглашений и последующая эскалация кризиса в Косове способствовали некоторой переоценке действий России в годы боснийской войны и значения проводившейся Москвой политики для дальнейшей эволюции российского внешнеполитического курса на балканском направлении.

В параграфе также рассмотрен третий этап (2000–2015 гг.) эволюции отражения внешнеполитических действий России в связи с конфликтами в Боснии и Хорватии в китайском зеркале. Данный период характеризуется переходом к более очевидному комплексному анализу и описанию политики России в период боснийской войны. Его начало совпало с политическими перестановками в государственном руководстве РФ. К тому же удлинение исторической дистанции открыло перед экспертами ведущих китайских НИИ и университетских исследовательских центров новые возможности для всесторонней оценки особенностей, причин и результатов российской политики на постъюгославском направлении с учетом ее внешнеполитических установок начала 1990-х годов и попыток их реализации в отношениях с США и Западом в целом.

В параграфе также систематизированы основные подходы китайских экспертов на современном этапе (с 2016 г. по настоящее время), для которого характерно сохранение устойчивого интереса к проблематике постъюгославского пространства, его вовлечения в ЕС. Отмечается повторение оценок нарративов предыдущих этапов российской политики в регионе в 1990-е годы при их некоторой детализации и уточнении. Развитие китайских инициатив «Один пояс,

один путь» и интенсификация сотрудничества Пекина со странами Центральной и Юго-Восточной Европы способствовали дальнейшему изучению балканского региона и сохранению в Китае интереса к политике Москвы на Балканах, включая и действия СССР/РФ в регионе в 1991–2001 гг.

Изученный и представленный в главе материал фиксирует распространенный в Китае взгляд, согласно которому боснийский кризис оказался крупнейшим и самым кровопролитным вооруженным конфликтом в Европе после окончания Второй мировой войны и, так же как распад Югославии, воспринимался в Китае как трагедия. Его урегулированию в КНР придавали серьезное значение, а действия России воспринимались с симпатией и пониманием. Хотя после завершения боснийской войны официальные китайские лица редко упоминали об этих событиях, в экспертном сообществе Китая и, как следствие, на общественном уровне в целом, сформировалось достаточно целостное представление о политике России в отношении югославского кризиса первой половины 1990-х годов: позиция Москвы рассматривалась во взаимосвязи с внутренней трансформацией российского государства, изменением мирового порядка после окончания холодной войны и развитием конфликтов на постъюгославском пространстве. Вместе с тем в китайских трактовках югославского кризиса первой половины 1990-х годов выявлены и объективные ограничения в его дальнейшем изучении: несмотря на доступность значительного массива архивных документов России, Сербии и стран Запада, материалов Международного трибунала по бывшей Югославии (МТБЮ), а также мемуаров непосредственных участников и очевидцев событий, указанные источники лишь в ограниченной степени использовались китайскими историками. В результате можно констатировать недостаточную разработанность отдельных вопросов и оценок российских действий на балканском направлении (прежде всего связанных с влиянием А.В. Козырева и Б.Н. Ельцина на разработку и реализацию российской политики в регионе и формирование баланса приоритетов общего курса внешней политики и действий России на балканском направлении).

Третья глава диссертации «Югославский кризис в 1996–2001 гг.: китайские оценки действий России» посвящена комплексному анализу интерпретаций политики России на постъюгославском пространстве,

сформировавшихся в официальном, медийном и экспертном дискурсах КНР во второй половине 1990-х годов. Хронологический фокус исследования сосредоточен на периоде разрастания косовского кризиса и его высшей фазы – агрессии НАТО против СРЮ, а также событий 2000–2001 гг. (смена режима С. Милошевича и конфликт в Македонии). Всесторонне изучены китайские СМИ, прежде всего газеты «Жэньминь жибао», «Хуаньцю шибао» и «Гуанмин жибао», а также китайские экспертные материалы, посвященные дипломатическим усилиям России в странах бывшей Югославии с акцентом на двусторонние отношения Китая со странами-наследницами СФРЮ, позицию Пекина в отношении агрессии НАТО против СРЮ, а также китайско-российское взаимодействие в процессе урегулирования кризиса. Показано, что в отличие от событий первой половины 1990-х гг., когда югославский кризис рассматривался китайскими наблюдателями преимущественно в контексте трансформации постбиполярной системы международных отношений, в ходе косовского кризиса ситуация приобрела более острый характер. Агрессия НАТО против СРЮ под лозунгом «права человека выше суверенитета», а также бомбардировка посольства КНР в Белграде непосредственно затронули интересы Китая, обусловив ужесточение его позиции и консолидацию взаимодействия усилий с международными партнерами в пользу формирования более справедливого и рационального международного порядка.

В **параграфе 3.1** прослеживается позиция КНР и китайско-российское взаимодействие в разрешении косовского конфликта в СРЮ, а также оценки китайскими СМИ политики России в регионе. Пекин, отвечая на нападение НАТО на СРЮ и бомбардировку посольства КНР в Белграде, руководствовался нормами международного права и продолжал придерживаться стратегического курса Дэн Сяопина, известного как формула из «28 иероглифов» – хладнокровно наблюдать; укреплять расшатанные позиции, проявляя выдержку; сдержанно реагировать; оставаться в тени до поры, скрывая свои намерения; быть в состоянии защищать пусть неуклюжие, но свои собственные взгляды; никогда не претендовать на лидерство; активно действовать. В своей дипломатической практике Пекин опирался на принцип «обоснованно, выгодно, сдержанно», стремясь выиграть больше времени с тем, чтобы сосредоточить все силы на собственном ускоренном развитии и модернизации. Руководство Китая оказывало «ограниченную»

поддержку СРЮ во время косовского кризиса и агрессивных действий НАТО в регионе, основываясь на собственных национальных интересах и общепризнанных нормах международного права. При этом позиция Пекина в отношении косовского кризиса претерпела значительную эволюцию от первоначального акцента на внутригосударственном характере конфликта при безоговорочном неприятии силового вмешательства до (позднее) резкого осуждения военной агрессии НАТО и проводимой США «политики канонерок» как инструмента внешнего давления, «гегемонизма и политики силы».

Косовское урегулирование оказалось одной из основных тем российско-китайских контактов в эти годы. В Пекине высоко оценили позицию Москвы и усилия ее дипломатии, а косовский кризис, агрессия НАТО против СРЮ и бомбардировка посольства КНР в Белграде стимулировали и ускорили российско-китайскую координацию на международной арене, в том числе в рамках региональных многосторонних механизмов. Стремление России и Китая к мирному урегулированию конфликта не только отражало их общую позицию неприятия однополярного миропорядка, но и стало важным практическим воплощением их курса на создание многополярного мира. Вместе с тем, несмотря на неприятие вооруженных ударов НАТО по СРЮ, Пекин и Москва сохранили определенную дистанцию в своих конкретных политических шагах, каждый по собственным причинам, воздерживаясь от совместных действий.

Преимущественное внимание в параграфе уделено оценке китайскими СМИ роли и усилий России в урегулировании косовского конфликта. Выявлено системное и подробное освещение динамики дипломатической деятельности РФ, с подчеркиванием ее динамики с марта до июня 1999 г., что позволило пролить дополнительный свет на мотивы, цели, основные направления и особенности действий российской дипломатии, а также уточнить ее эволюцию, внутренние противоречия и определявшие ее факторы.

В **параграфе 3.2** рассматриваются интерпретации китайскими наблюдателями и экспертами эволюции косовского вопроса с 1980 г. до второй половины 1990-х годов, а также политики России в регионе во второй половине 1990-х годов, прежде всего во время эскалации косовского кризиса (1998–1999 гг.) и его кульминации с начала натовской агрессии. Усилия российской дипломатии

привлекли широкое внимание различных кругов китайского экспертного сообщества. Предметом анализа китайских специалистов по международным отношениям, экспертов-балканистов, исследователей-югославистов и военных экспертов стали прежде всего внешнеполитические мотивы действий России на Балканах, факторы, влиявшие на принятие ею решений, а также эволюция российской позиции по ходу косовского кризиса.

При анализе интерпретации российской внешней политики в период косовского кризиса показаны позиции китайского экспертного сообщества на трех хронологических этапах: с марта 1998 г. по март 1999 г., с марта 1999 г. по 2008 г. и с 2008 г. по настоящее время. Очевидно, что несмотря на преобладание комплиментарных оценок российской политики, среди китайских наблюдателей и экспертов не было единства в объяснении ее мотивов, характера и эффективности. Эксперты связывали особенности внешнеполитического курса Москвы с рядом ключевых факторов, среди которых выделяли отношения России с Западом, расширение НАТО на восток и его приближение к России, российско-сербские связи, а также внутриполитическую и экономическую ситуацию в России. Показано, что в китайских оценках Россия рассматривается как один из ключевых участников урегулирования косовского кризиса, а ее дипломатическая позиция – как претерпевшая существенную эволюцию. Одной из основных причин вмешательства США в косовский кризис китайские эксперты считают стремление к расширению НАТО и ограничению стратегического пространства России. При этом эксперты в КНР по-разному оценивают как сами этапы трансформации российской политики во время косовского кризиса, так и их содержание, выделяя различные ключевые события, оказавшие влияние на ее изменение.

В **параграфе 3.3** изложены оценки Китаем роли России в событиях итоговой фазы югославского кризиса, произошедших после завершения натовской агрессии и до 2001 г., как верхней хронологической границы югославского кризиса, а также позиция Китая в отношении этих событий. Показано, что внимание в КНР к оценкам ситуации и действиям России в этом регионе было значительно меньшим, чем в 1990-е годы. Вместе с тем в Китае прозвучала положительная оценка балканской политики России этих лет: отмечалось, что прагматичный и

гибкий курс В.В. Путина отвечал национальным интересам России и способствовал укреплению ее международных позиций.

Особое внимание в параграфе уделено анализу интерпретаций китайскими СМИ, наблюдателями и экспертами занятой Москвой позиции в отношении президентских выборов в СРЮ, македонского кризиса и передачи «дела» С. Милошевича в МТБЮ. Основное внимание в Китае было сосредоточено на ключевых дипломатических шагах России, но интенсивность их освещения была неодинаковой. Наибольшее внимание уделялось политике Москвы в период президентских выборов в СРЮ, тогда как российская позиция в ходе македонского кризиса и событий, связанных с выдачей экс-лидера Милошевича, получила значительно меньшее отражение как в СМИ, так и в экспертных материалах и научных трудах. Эксперты положительно оценивали балканскую политику России за эти два года, связывая ее переход к более прагматичному внешнеполитическому курсу с восстановлением влияния России на Балканах, укреплением ее международных позиций и поддержанием баланса сил в регионе. Вместе с тем выявлено, что анализ китайскими экспертами российского фактора на Балканах в ряде сюжетов носил фрагментарный характер, а системная оценка мотивов и последствий российской политики зачастую отсутствовала.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В **заключении** подводятся итоги исследования, формулируются его выводы и результаты, которые подтверждают положения, выносимые на защиту.

В ходе исследования установлено, что действия дипломатии КНР в 1990-е годы были подчинены задачам внутреннего развития Китая. Позиция Пекина относительно распада СФРЮ, югославского кризиса 1991–2001 гг. с его этническими конфликтами и гражданскими войнами на постъюгославском пространстве отличалась твердой последовательностью и логичной преемственностью. В подходе к событиям в регионе китайская дипломатия руководствовалась стратегией Дэн Сяопина «до поры оставаться в тени, скрывая свои намерения». С одной стороны, Пекин стремился поддерживать и развивать дружественные отношения и сотрудничество с государствами, образовавшимися на территории бывшей Югославии (с очевидным акцентом на отношения с СРЮ), на основе пяти принципов мирного сосуществования и уважения права народов

самостоятельно определять пути своего развития. С другой стороны, Китай последовательно опирался на нормы международного права, аргументированно и сдержанно выступал против гегемонизма и политики силы.

В китайском восприятии югославский кризис 1991–2001 гг. был действительно трагедией. Пекин систематично выступал против внешнего вмешательства и применения силы либо ее угрозы при урегулировании международных конфликтов. Такая позиция была обусловлена как приверженностью КНР принципам его независимой мирной внешней политики, уважения государственного суверенитета и невмешательства во внутренние дела государств, так и стремлением предотвратить возможность использования внешними силами национального вопроса в качестве предлога для вмешательства во внутренние дела самого Китая. Вместе с тем политические и экономические связи КНР с СРЮ были заметно более развитыми по сравнению с другими государствами, образовавшимися на постъюгославском пространстве, что предопределило особую чувствительность в Китае к внешнему давлению на Белград.

Война в БиГ (1992–1995 гг.), и особенно косовский кризис и агрессия НАТО против СРЮ, стали важными факторами активизации российско-китайского стратегического взаимодействия. В китайском восприятии согласованные дипломатические усилия Москвы и Пекина по деэскалации и урегулированию югославского кризиса свидетельствовали о постепенном сближении их внешнеполитических подходов, основанных на уважении государственного суверенитета, норм международного права и центральной роли СБ ООН. Стремление России и Китая к политико-дипломатическому урегулированию конфликтов рассматривалось как практическое воплощение курса обеих стран на формирование многополярного мирового порядка и противодействие одностороннему применению силы в международных отношениях и однополярному мировому устройству.

Китайские СМИ и экспертное сообщество в 1991–2001 гг. последовательно и всесторонне освещали события на Балканах, уделяя особое внимание анализу дипломатических шагов и внешнеполитическому курсу Москвы (Советского Союза, а затем России). В оценках китайских наблюдателей и экспертных

материалах политика России в обстановке кризиса на постъюгославском пространстве рассматривалась как составная часть ее общей внешней политики, эволюционировавшей под влиянием изменений международной ситуации и переосмысления ее национальных интересов.

Вместе с тем проведенное исследование показало отсутствие единой оценки роли России в югославском кризисе среди китайских наблюдателей-международников и экспертов, в том числе историков, несмотря на очевидное стремление к комплексной оценке. Анализ их текстов позволяет предположить, что причины этого лежат в стремлении к интерпретации российской политики на основе комплексной интегральной оценки нескольких взаимосвязанных факторов:

1) традиционных исторических связей России с народами бывшей Югославии, прежде всего с сербами, включая культурную, религиозную и историческую общность судеб;

2) геополитических интересов России на Балканах;

3) характера и динамики отношений между Россией и странами Запада, включая восприятие нежелательности и опасности расширения НАТО на восток при одновременном сокращении стратегического пространства вблизи России;

4) уровня совокупного потенциала России (в китайских терминах «совокупной мощи государства» (СМГ), определявшего возможности успешной реализации ее внешнеполитического курса;

5) внутриполитической ситуации в России и ее влияния на формирование внешнеполитического курса страны.

Таким образом, исследование показало, что восприятие российской политики в отношении югославского кризиса в совокупном восприятии Китая, в том числе в исторической науке, формировалось на основе комплексного анализа исторических, геополитических, международно-политических и внутригосударственных факторов, что обусловило разнообразие оценок роли России и эффективности ее политики на постъюгославском направлении. Китайские наблюдатели и эксперты рассматривали отношения России с Западом, вооруженное участие НАТО в урегулировании конфликтов как составную часть расширения альянса и приближения его к границам России, а российско-сербские

связи и внутреннюю ситуацию в РФ как устойчивые факторы, определявшие внешнеполитический курс Москвы, тогда как ее конкретные дипломатические шаги на разных этапах югославского кризиса воспринимались как изменяющиеся элементы этого курса.

Анализ материалов китайских СМИ и исследований позволяет выделить несколько этапов формирования и развития представлений в Китае о политике России в отношении кризиса на постъюгославском пространстве.

Первый этап (1991–1995 гг.) характеризовался складыванием первоначальных представлений о югославском кризисе и позиции России. В этот период китайские СМИ и эксперты начали систематически анализировать причины распада Югославии, развитие кризиса и внешнеполитические действия России.

Второй этап (1995–1999 гг.) был связан с углублением внимания к российской политике на Балканах. Осмысление войны в БиГ и формы ее завершения, а затем развитие косовского кризиса и агрессия НАТО против СРЮ способствовали расширению интереса в Китае (как в СМИ, так и среди китайских экспертов) к дипломатическим инициативам России и ее роли в урегулировании югославского кризиса на всех его этапах.

Третий этап (2000–2012 гг.) отличался заметным снижением непосредственного внимания китайских экспертов и СМИ к политике России в отношении кризисов в регионе в 1990-е годы. Проблематика российской политики на Балканах рассматривалась преимущественно в более широком контексте анализа внешней политики России, ее международного положения и отношений с ведущими мировыми державами.

Четвертый этап (с 2012 г. по настоящее время) связан с возобновлением интереса к данной проблематике в условиях развития сотрудничества Китая со странами Центральной и Юго-Восточной Европы, а также реализации инициативы «Один пояс, один путь». Изменение роли региона в системе внешних связей Китая стимулировало новый всплеск внимания китайских экспертов к вопросам российской политики на Балканах и ее влияния на региональную безопасность и международные отношения.

Проведенное исследование показало, что методологической основой анализа международных проблем китайскими экспертами являются марксистское

мировоззрение и методология, что во многом обусловило внимание к внутренним факторам развития государств при объяснении причин успехов и лимитирующих факторов внешней политики России. В китайских наблюдениях и экспертных материалах эффективность и результативность внешнеполитического курса государства в значительной степени связываются с уровнем внутриполитической стабильности, состоянием экономики и совокупного интегрального потенциала («совокупной мощи государства»).

Вместе с тем проведенный анализ выявил определенные ограничения китайских оценок российской политики в отношении югославского кризиса. Китайские эксперты в основном основывались на опубликованных материалах и вторичных источниках, тогда как комплексное использование российских архивных документов для более глубокого и всестороннего осмысления балканской политики России 1990-х годов не только не получило широкого распространения, но еще и не начато. Кроме того, в ряде вопросов оценки китайских исследователей не полностью совпадали с преобладающими подходами российской научной литературы, в частности при рассмотрении роли отдельных политических деятелей, таких как А.В. Козырев или Б.Н. Ельцин, в определении внешнеполитического курса России.

СПИСОК РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ АВТОРОМ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Статьи в ведущих научных рецензируемых изданиях, входящих в перечень ВАК при Минобрнауки России:

1. *Янь Лэй.* Китайские концепции в области международных отношений: от Дэн Сяопина до Си Цзиньпина // Проблемы национальной стратегии. 2025. № 2 (89). С. 190–209. DOI: 10.52311/2079-3359_2025_2_190 *(в соавторстве с Мокрецким А.Ч.)*;

2. *Янь Лэй.* Война в Боснии (1992–1995 гг.): реакция России в оценках китайских экспертов (по научным материалам первой половины 1990-х годов) // Славяноведение. 2025. № 6. С. 111–125. DOI: 10.7868/S2949392725060105;

3. *Янь Лэй.* Югославская модель в китайском зеркале (1977–1980 гг.): от сомнения к признанию // Общенациональный научно-политический журнал «Власть». 2025. № 5. С. 257–262. URL: https://www.jour.fnisc.ru/index.php/vlast/article/view/10925;

4. *Янь Лэй.* Война в Боснии (1992–1995 гг.) и реакция России: историография КНР от Дейтонских соглашений 1995 г. до наших дней // Славянский альманах. 2026. № 1–2. С. 217–249. DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.10;

5. *Янь Лэй.* Второй всекитайский научный форум «Китай и Балканы в условиях глобальных трансформаций» // Славяноведение. 2026. № 5. С. 123–130. DOI: 10.7868/S2949392726050090.

Иные публикации:

6. *Янь Лэй.* Китайские ученые о распаде Югославии // Славянский мир: общность и многообразие. М., 2023. С. 89–95. DOI: 10.31168/2619-0869.2023.1.17;

7. *Янь Лэй*. Научные китайские издания по международным отношениям и проблемам: от становления к современному состоянию // Современная Азия: политика, экономика, общество. 2024. № 2. С. 99–112. DOI: 10.48647/ICCA.2024.43.92.011;

8. *Янь Лэй*. Турбулентные события на постъюгославском пространстве первой половины 1990-х в «зеркале» реакций государственных деятелей и экспертов КНР // Славянский мир: общность и многообразие. М., 2024. С. 151–163. DOI: 10.31168/2619-0869.2024.24.

Подписано в печать 10.11.2026

Объем: 1,5 п.л. Формат 60х90/16. Тираж 100 экз.